

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА СОХРАНЕНИЕ МИРА С ГЕРМАНИЕЙ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

(МАРТ—НОЯБРЬ 1918 г.)

И. К. КОБЛЯКОВ

Подписав Брестский договор с Германией и ее союзниками, Советская Россия вышла из империалистической войны и получила жизненно важную для нее передышку. Сохранение и продление передышки стало после Бреста основной задачей внешней политики Советской Республики.

При изучении истории борьбы Советского государства за передышку в брестский период, который охватывает около 8 месяцев (от заключения Брестского договора 3 марта 1918 г. до его аннулирования 13 ноября 1918 г.), советские историки концентрировали свое внимание по преимуществу на вооруженной борьбе народов Советской страны против захватнических устремлений германских империалистов и их союзников¹. Однако в нашей исторической литературе до сих пор остается мало освещенной политико-дипломатическая деятельность Советского правительства, направленная на сохранение передышки и поддержание мирных отношений с Германией после заключения Брестского мира, деятельность, в которой находила свое конкретное выражение напряженная борьба за осуществление ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным и государственным строем². Освещение этого вопроса в настоящее время стало особенно неотложным ввиду того, что буржуазные историки всячески фальсифицируют советско-германские отношения брестского периода, изображая их как создание «русско-германского союза против стран согласия»³.

Решение этой задачи в значительной степени теперь облегчено в связи с выходом в свет I тома «Документов внешней политики СССР», подготовленного комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Больше половины всех документов I тома, многие из которых пуб-

¹ См. «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., 1957; Сб. статей «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.», М., 1956; О. Шекун. Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 году в Белоруссии, М., 1941; Н. Эмиров. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917—1919 гг.), М., 1949; А. М. Андреев. Борьба литовского народа за Советскую власть (1918—1919 гг.), М., 1954; И. К. Кобляков. От Бреста до Рапалло, М., 1954; Ф. Нотович. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг., М., 1947.

² В статье не излагаются те мероприятия Советского правительства, которые оно проводило в отношении держав Антанты и нейтральных стран в целях восстановления и налаживания мирных отношений и развития с этими странами торгово-экономических связей на взаимовыгодных основах.

³ C. Freund. Unholy Alliance, London, 1957, p. 245.

ликуются впервые, касаются советско-германских отношений брестского периода⁴. При написании настоящей статьи использованы также архивные материалы, хранящиеся в фондах ЦГАОР и СС, Архива внешней политики СССР, и некоторые документы из архива МИД Германии, опубликованные за границей⁵.

* * *

Заключение Брестского мира положило конец войне между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и ее союзниками, с другой. 15 марта 1918 г. IV Чрезвычайный Съезд Советов ратифицировал Брестский договор. 18 марта Советское правительство официально сообщило правительству Германии о ратификации договора. В конце марта состоялся обмен ратификационными грамотами Брестского договора. 1 апреля Г. В. Чичерин послал в МИД Германии запрос относительно возможности приезда в Берлин полпреда Советской России⁶, так как в соответствии со статьей 10 Брестского договора дипломатические и консульские отношения восстанавливались только после ратификации договора. В конце апреля полпред РСФСР А. А. Иоффе прибыл в Берлин. В то же время в Москву прибыла германская дипломатическая миссия во главе с посланником Мирбахом. Еще до обмена дипломатическими представителями с Германией НКВД информировал МИД Германии о том, что Советское правительство «считает крайне желательным скорейшее проведение в жизнь постановлений договора о создании русско-германской комиссии для определения пограничных линий» и комиссии по делам военнопленных⁷.

Срочность постановки вопроса об определении пограничных демаркационных линий объяснялась тем, что кайзеровская Германия, вопреки только что подписанному Брестскому договору, который объявлял о прекращении войны и обязывал стороны «впредь жить между собой в мире и дружбе», продолжала проводить экспансионистскую захватническую политику: ее войска продвигались дальше в глубь страны на юге России и в других местах. Своей агрессивной политикой германский империализм не только тормозил мирную созидательную работу советского народа, но и создавал серьезную угрозу независимости Советского государства.

Советское правительство, точно выполнив условия вступления в силу мирного договора, повело настойчивую борьбу за установление между Советской Республикой и Германией действительно мирных и нормальных отношений, за решение всех спорных вопросов не силой оружия, а путем переговоров, с учетом законных интересов обеих сторон.

Казалось бы, что всё это вещи элементарные и сами собой разумеющиеся. Но в действительности кайзеровская Германия не только не хотела соблюдать принятые ею по Брестскому миру договорные обязательства, но и пыталась строить отношения с Советской Россией на принципе диктата и ультиматумов.

Таким образом, при реализации условий Брестского договора Советское правительство и советский народ встретились с большими трудностями. Эти трудности в значительной степени усугублялись тем, что внутренние враги при поддержке извне саботировали все мероприятия Советской власти.

⁴ Министерство иностранных дел СССР, «Документы внешней политики СССР», т. I, 1957 (7 ноября 1917 г.—31 декабря 1918 г.). Далее сокращенно: «Документы...».

⁵ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1955, № 1, SS. 77—98 и в приложении к работе С. F r e u n d. Unholy Alliance, pp. 251—253.

⁶ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 408, л. 39. Германский рейхстаг одобрил договор 22 марта, после чего 26 марта он был ратифицирован Вильгельмом II.

⁷ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 1114, л. 135.

После ратификации Брестского договора IV съездом Советов левые эсеры вышли из состава Совнаркома и повели открытую борьбу за срыв договора с Германией. В самой большевистской партии также были противники установления мирных отношений между Советским государством и капиталистическими странами, противники ленинского принципа мирного сосуществования. Свою борьбу против этого ленинского принципа — основы советской внешней политики — они прикрывали громкими фразами о мировой революции.

Разоблачая полнейшую несостоятельность подобного рода утверждений, В. И. Ленин подчеркивал, что «социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»⁸. Факт существования рядом друг с другом Советской страны и капиталистических государств говорил сам за себя и требовал, чтобы был найден определенный *modus vivendi*, на базе которого они могли бы мирно сосуществовать.

Подписанный в Бресте мир не был прочным, так как и после его заключения Германия, вопреки принятым ею обязательствам, продолжала расширять зону оккупации русских территорий. В граничащих с Россией с Запада и Востока империалистических государствах, как указывал В. И. Ленин, в любой момент могла взять верх военная партия, соблазненная временной слабостью России⁹.

Политика кайзеровской Германии в отношении Советской России была противоречивой и непосредственной, что объяснялось разностью экономических интересов господствующих классов. Наиболее аннексионистская линия этой политики диктовалась военной партией, выражавшей крайне агрессивные устремления юнкеров-милитаристов; виднейшими представителями ее были Людендорф, Гофман, Гинденбург, кайзер Вильгельм II, Вестарп и др.

Эта партия хотела осуществить давнюю мечту германских захватчиков «*Drang nach Osten*». Наиболее полно ее программа была сформулирована в меморандуме генерала Секта, написанном в 1915 г.; в нем предлагалось заключить сепаратный мир с Францией и Бельгией, чтобы затем бросить все сухопутные силы Германии против России для разгрома ее и завоевания 10 тыс. квадратных миль русских земель. Сект предлагал изгнать 20 млн. русских в Сибирь и поселить на этих землях немецких колонистов¹⁰. Осуществление этой программы превратило бы Россию во второразрядное государство. В Брестском договоре эта программа не нашла своего осуществления и поэтому военная партия была им недовольна. Она не удовлетворялась границами, установленными Брестским договором, и требовала их пересмотра¹¹. Как сообщает в своих мемуарах Кюльман, бывший в 1917—1918 гг. статс-секретарем МИД Германии, Гинденбург говорил тогда: «Я хочу для следующей войны против России выиграть пространство для обеспечения маневрирования левого крыла германской армии»¹².

Однако среди влиятельных лидеров военной партии не было единства в вопросе о том, каким путем добиться осуществления указанной программы.

Весьма влиятельная часть этой партии во главе с Людендорфом не хотела, по крайней мере до середины 1918 г., разрыва Брестского договора и открытой войны с Советской Россией, надеясь отторгнуть от нее важные в стратегическом и экономическом отношениях территории без объяв-

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 49.

⁹ См. там же, стр. 209.

¹⁰ G. Hilger, A. Meyer. *The Incompatible Allies*, New-York, 1953, pp. 191—192.

¹¹ «*Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten*», Bd. II, Berlin, 1934, S. 604—607.

¹² R. von Kühlmann, *Erinnerungen*. Heidelberg, 1948, S. 517.

ления войны. Людендорф рассчитывал, что, ослабив и изолировав Советскую Россию, легко будет свергнуть затем и Советскую власть.

Другого мнения придерживался генерал Гофман, который был начальником штаба верховного командования армии на Востоке и фактически руководил вооруженными силами Германии, дислоцированными на Востоке. Гофман считал необходимым предпринять военный поход на Петроград и Москву в целях свержения Советского правительства и восстановления власти помещиков и капиталистов. Он планировал создание марионеточного белогвардейского правительства, которое полностью отда-ло бы Россию, все ее материальные и людские ресурсы в распоряжение кайзеровской Германии и, таким образом, помогло бы ей выиграть войну на Западе¹³. План Гофмана поддерживал бывший вице-канцлер Гельферих, впоследствии назначенный германским дипломатическим представителем в Москву, военный атташе в Москве Шуберт и др.¹⁴. Однако политика провоцирования «большой» войны против Советской России наталкивалась на противодействие со стороны большинства империалистической буржуазии Германии¹⁵. В. И. Ленин указывал в мае 1918 г., что «большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России»¹⁶.

Это большинство германских буржуазных партий предпочитало аннексионистский Брестский мир с Россией дальнейшей войне с ней, так как боялось, что война может привести к резкому обострению внутреннего положения в Германии и потребует значительных сил, которые были нужны на Западе. Лидеры этих партий зачастую соглашались с линией Людендорфа, ссылаясь при этом на то, что они не всегда имеют достаточно силы, чтобы проводить свою самостоятельную линию в отношении России. В беседе с Иоффе Кюльман выразил это следующим образом: «Man hat nicht immer Macht genug»¹⁷.

Конечно, не этим объяснялась уступчивость лидеров буржуазных партий, а тем, что военная партия осуществляла программу ослабления и расчленения России, а также хозяйственной эксплуатации русских богатств. Эти планы использования России для коренного улучшения экономического положения Германии получили особенно широкое распространение после того, как в феврале немцы оккупировали Украину и потребовали от Центральной рады по «договору» поставить в Германию до 31 июля 1918 г. 37,5 млн. пудов железной руды, 60 млн. пудов хлеба и большое количество другого продовольствия и сырья.

Рассматривая оккупацию как основную предпосылку для осуществления плана экономической эксплуатации России, германские империалисты оккупировали Донскую область, Крым и Кавказ.

Разумеется, захватив наиболее важные экономические районы России и восстанавливая в них старые капиталистические порядки, германские

¹³ Подробнее об этом см. F. Klein. Die diplomatischen Beziehungen zur Sowjetunion 1917—1932, Berlin, 1953, S. 42—46.

¹⁴ «Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», Berlin, 1929, Bd. II, S. 221.

¹⁵ Заключение Русско-германского договора от 27 августа 1918 г. и отставка Гельфериха с поста дипломатического представителя в Советской России 30 августа 1918 г. подтверждают, что политика крайних элементов военной партии в отношении Советской Республики была отклонена правящими кругами Германии. Однако Гофман и военные представители Германии в Москве продолжали свои попытки убедить правящие круги Германии в том, что «момент для свержения большевистского правительства с помощью извне является весьма благоприятным» (АВП, ф. 04, оп. 13, д. 1024, лл. 25—27, 32 и др.). Осуществленный Германией 4 ноября 1918 г. разрыв отношений с Советской Россией и высылка из Берлина полпредства РСФСР показывают, что кайзеровское правительство пыталось в последний момент, уже перед самой революцией, начать осуществление плана Гофмана, поддержанного Людендорфом.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 334.

¹⁷ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 55.

империалисты преследовали и другую цель — окружить и изолировать Советскую Республику, подготовив тем самым условия для свержения Советской власти. Для прикрытия оккупации немецкие захватчики широко использовали создание фиктивных самоуправлений и провозглашение «независимости» отдельных русских областей. При помощи таких нехитрых приемов они пытались обосноваться на Кубани и Дону, в Крыму, на Северном Кавказе и в Грузии. Тогда же в советской печати И. В. Сталин разоблачил эти маневры германских империалистов и их турецких союзников¹⁸.

Германия использовала буржуазных националистов, в частности украинских, для того чтобы их руками вести войну против Советской России. Вместе с тем кайзеровское правительство пыталось обвинить Советское правительство в том, что оно уклоняется от заключения мира с Украиной. Такое обвинение содержалось в радиотелеграмме от 5 апреля 1918 г.¹⁹

Решительно отклоняя это обвинение, Советское правительство напомнило германскому правительству о том, что 4 апреля оно сообщило Украинской раде о своей готовности начать 8 апреля переговоры в г. Смоленске²⁰. 16 апреля НКИД вновь вернулся к вопросу о мирных переговорах с Украиной, направив соответствующую ноту МИД Германии. В этой ноте НКИД сообщил, что он направил Украинской раде ноты с предложениями начать переговоры. В то же время, говорилось далее в этой ноте, НКИД «принужден еще раз указать, что на самом деле происходит в настоящее время оккупация германскими войсками таких местностей, которые даже в силу одностороннего заявления Центральной рады не входят в состав Украины, и что такие факты заходят далеко за пределы пограничных инцидентов, связанных с гражданской войной в Украине, в которой одна из сторон поддерживается германскими вооруженными силами»²¹. В ноте от 22 апреля НКИД снова возвратился к вопросу о мирных переговорах с Центральной радой и еще раз выразил готовность Советского правительства сесть за стол мирных переговоров²². Но Рада всячески саботировала начало мирных переговоров с РСФСР. 4 и 5 мая Советское правительство вновь запросило германское МИД, остается ли в силе достигнутая ранее договоренность об открытии мирных переговоров с Радой в Курске²³.

После бесконечных проволочек были начаты русско-украинские переговоры в Киеве 23 мая 1918 г. Однако конкретных результатов эти переговоры не дали, так как украинские делегаты нагромождали все новые и новые препятствия²⁴. Это, бесспорно, делалось по наущению немцев. Немцы были против соглашения между Советской Республикой и Украиной, поскольку использовали территорию Украины как плацдарм для организации постоянных пограничных конфликтов и новых вторжений в пределы Российской Республики.

Вопреки статьям 5 и 6 Брестского мира, гарантировавшим возвращение России ее судов и другой собственности, находившихся в портах на побережье Финляндии, германские войска захватили это русское имущество. Советское правительство потребовало от Германии соблюдения статей мирного договора и заявило протест против занятия немцами русских крепостей и территориальных вод, а также захвата находившихся в портах судов и имущества²⁵.

¹⁸ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 104—115, 174—176.

¹⁹ «Документы...», стр. 232—233.

²⁰ «Известия ВЦИК», 9 апреля 1918 г.

²¹ «Документы...», стр. 246.

²² Там же, стр. 257.

²³ Там же, стр. 281—283.

²⁴ Там же, стр. 319.

²⁵ Там же, стр. 265, 274, 345.

Захватническую политику германского империализма подверг резкой критике заместитель наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в беседе с корреспондентом газеты «Известия ВЦИК» в апреле 1918 г.²⁶ Г. В. Чичерин подчеркнул при этом несостоятельность попыток Германии прикрыть свои агрессивные действия ссылкой на Брестский договор.

Одним из многих примеров грубейшего нарушения Германией Брестского договора было ее незаконное требование возвращения русского флота из Новороссийска в Севастополь. В качестве предлога для предъявления этого противоречившего Брестскому миру требования немцы выдумали лживые обвинения в том, что будто бы суда Черноморского флота принимали участие в борьбе против немецких войск на Украине.

Не желая обострять отношения с Германией, Советское правительство 17 апреля предложило для урегулирования и детального выяснения всех вопросов, касающихся флота, о которых говорилось в статьях 5 и 6 Брестского договора, образовать особую русско-германскую комиссию²⁷ и дало свое согласие на разоружение Черноморского флота при условии его оставления в Новороссийске.

Позже, уступая требованиям Германии, Советское правительство предложило обсудить вопрос о гарантиях разоружения и нахождения флота в Новороссийске. Однако немцы настаивали на своих требованиях, продолжая в то же время вести наступление вдоль Черноморского побережья. Советское правительство, не жалея сил, добивалось скорейшего прекращения немецкого наступления и урегулирования вопроса о Черноморском флоте. В переговорах, которые велись по этому вопросу в Москве и Берлине, оно потребовало твердой гарантии, что Германия после удовлетворения ее требований о Черноморском флоте прекратит наступление как на Кавказе, так и на границе Финляндии, признает право собственности России на эти суда и обязуется вернуть их Советской стране после заключения всеобщего мира²⁸. Несмотря на то что немцы по существу ничего не могли возразить против советских предложений, а Кюльман даже заявлял в беседах с Иоффе о том, что «он не разделяет политику военных» и что «будучи в ставке, настаивал на прекращении военных действий...»²⁹, Германия продолжала настаивать на своем. Оказавшись в тяжелом положении, Советское правительство было вынуждено отдать распоряжение о потоплении флота в Новороссийске, чтобы он не попал в руки Германии.

Но и после того как у кайзеровской Германии был отнят этот формальный предлог для наступления на Новороссийск, оно все-таки продолжалось, и НКВД снова заявил протест германскому правительству³⁰.

Политико-дипломатическая борьба Советского правительства против захватнических устремлений германского империализма была серьезно осложнена началом открытой вооруженной интервенции стран Антанты против Советской Республики весной 1918 г. Если до весны 1918 г. империалисты держав Антанты вели против Советской России скрытую интервенцию, разжигая гражданскую войну в России, организуя диверсии и саботаж, то в апреле они предприняли вооруженную интервенцию, так как к этому времени убедились, что внутренняя контрреволюция, несмотря на их помощь, оказалась не в состоянии не только свергнуть Советскую власть в центре страны, но и помешать ее быстрому распространению на окраинах России³¹.

Вооруженная интервенция Антанты началась одновременно на Севере и на Дальнем Востоке. Этим и воспользовались германские империа-

²⁶ «Известия ВЦИК», 24 апреля 1918 г.; 30 мая 1918 г. Г. В. Чичерин был назначен народным комиссаром иностранных дел РСФСР.

²⁷ «Документы...», стр. 246—247.

²⁸ Там же, стр. 294—295, 330—331, 351—353.

²⁹ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 20.

³⁰ «Документы...», стр. 373.

³¹ «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 175.

листы, предъявив Советскому правительству в ультимативной форме требование о передаче форта Ино Финляндии. Таким образом Советская Россия оказалась в весьма тяжелом положении, которое было предметом специального обсуждения на заседании ЦК РКП(б) ночью 6 мая 1918 г. Учитывая серьезные последствия, которые могла бы иметь для Советской России война с Германией, ЦК РКП(б) решил принять ее требование о передаче Финляндии форта Ино. Одновременно было решено начать с Германией переговоры для выяснения возможностей заключения мира с Финляндией и Украиной и всячески добиваться ускорения его заключения, несмотря на то что подписание такого мира было бы связано с новыми жертвами для Советского государства³².

Уступая ультимативным требованиям германского империализма, идя ему на отдельные уступки, Советское правительство вместе с тем отдало распоряжение решительно отбивать вооруженной рукой вторжение германских захватчиков. Так, Советское правительство дало 4 мая 1918 г. распоряжение на места в случае вторжения германо-гайдамацких отрядов на территорию РСФСР «защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая все взрослое население угрожаемых областей»³³. Для организации отпора врагу Советское правительство создавало вооруженные силы.

13 мая В. И. Ленин и Я. М. Свердлов специальной телеграммой всем местным Советам еще раз напомнили о необходимости «создания крепкой, строго организованной, сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую Республику от внешних и внутренних врагов»³⁴.

Ввиду непрекращающейся германской интервенции Советское правительство заявило германскому правительству о том, что между Германией и РСФСР нет состояния мира, так как германские войска, вопреки постановлению Брестского договора, продолжают захват русских территорий и что ввиду этого оно было вынуждено «мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской Республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором»³⁵.

Под руководством Коммунистической партии народы оккупированных областей России поднялись на отечественную освободительную войну против немецких, австрийских и турецких оккупантов, которые своими штыками восстановили старые капиталистические порядки в захваченных районах Украины, Белоруссии, Прибалтики и Кавказа³⁶. Эта борьба показала германским империалистам полную беспочвенность и авантюризм их планов. В начале мая в правящих кругах Германии забили отбой и начали развязывать ошибочность преувеличенных надежд на Украину. В частности, с такого рода разъяснениями выступал статс-секретарь Эдлер Браун³⁷.

Явный провал интервентов на Украине заставил правящие классы Германии призадуматься над вопросом о том, как строить германскую политику по отношению к Советской России. Этот вопрос обсуждался руководителями крупнейших германских монополий на специальном совещании, созванном 16 мая по инициативе Круппа в Штальгофе, близ Дюссельдорфа. Совещание рассмотрело вопрос о ведении дел с Россией, Украиной, Балканами и так называемыми «лимитрофами». Задача политики Германии в отношении России и Украины была сформулирована как «освоение этих стран», которое мыслилось осуществлять не только при помощи си-

³² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 320.

³³ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», М., 1942, стр. 61.

³⁴ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, л. 583, л. 48.

³⁵ «Документы...», стр. 270.

³⁶ Подробно об этом см. «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 261—296.

³⁷ «Вестник Народного комиссариата торговли и промышленности», 1918, № 1, стр. 40.

лы, но и путем «возможно более глубокого финансового проникновения в Россию для сохранения политического и военного преимущества Германии»³⁸. Для осуществления этой цели планировалось создание большого финансового синдиката с участием всех крупных промышленников и банков³⁹. При этом следует иметь в виду, что планы проникновения германского капитала в Россию германские монополии собирались осуществлять при сохранении оккупации важнейших коммуникаций и ряда русских областей.

Трезво оценивая создавшееся положение, Советское правительство считало, что, несмотря на сравнительно быстрый рост Красной Армии и успешное отражение первого натиска немецких захватчиков, Советская Россия не могла тогда вести длительную войну. Поэтому ради сохранения мирной передышки Советское государство вынуждено было делать большие уступки германскому империализму в экономической области.

Осуществляя свою политику борьбы за мир, правительство Советской России постоянно заявляло о своей готовности путем переговоров урегулировать все спорные вопросы и развивать с капиталистическими странами взаимовыгодные торговые и экономические отношения, которые являются неотъемлемой частью политики мирного сосуществования. 8 ноября 1917 г. В. И. Ленин говорил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁴⁰. Уже в первые месяцы Советской власти, как это подтверждает Г. В. Черин, В. И. Ленин разработал и впервые оформил свои планы привлечения в Россию иностранного капитала, в частности предоставления ему крупных концессий⁴¹.

Восстановление и развитие торгово-экономических связей между РСФСР и Германией⁴² имело большое значение для продления передышки — главной заботы Советского правительства на протяжении всего брестского периода. Торговый обмен и другие формы экономических связей были теми средствами, при помощи которых Советское правительство прежде всего могло заставить значительные группы германской буржуазии отказаться от политики насилия и агрессии по отношению к Советской России и перейти к политике нормализации советско-германских отноше-

³⁸ Текст решения этого совещания (в выдержках) опубликован А. Норденом в его работе «Между Берлином и Москвой» (К истории германо-советских отношений), М., 1956, стр. 150—152. На совещании присутствовали Тиссен, Стиннес, представители Круппа, руководители концерна Ганиэля, концерна Клекнера, Рехлинга — владельца стальной промышленности Саара, представители Стального треста, акционерного общества «Феникс», рейнских сталеплавильных заводов, верхнесилезской тяжелой промышленности и Союза сталеплавильных заводов.

³⁹ Важная роль в этом деле отводилась также германским промышленным и торговым предприятиям, которые были открыты и действовали в России до 1914 г. Но надеждам на использование этих предприятий Советское правительство положило конец принятием законов о национализации внешней торговли, об аннулировании иностранных займов и о национализации германских предприятий в России.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 223.

⁴¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, стр. 168. Руководствуясь этими ленинскими указаниями, Комиссия по внешней торговле при ВСНХ разработала к 12 мая 1918 г. план развития экономических отношений с США. 14 мая 1918 г. В. И. Ленин направил этот план американскому правительству. В частности, в нем предусматривались большие поставки в Россию различных машин и оборудования. Планировалось, что Советская Россия будет расплачиваться с США за поставленные ей товары продуктами сельского хозяйства и добывающей промышленности. Помимо этого, Америка могла бы получить привилегию участвовать в ряде строек и предприятий (таких, как строительство гидроэлектростанций на Волхове и Свири, в проведении каналов, улучшении угольных шахт, в сельскохозяйственных концессиях и т. п.). («Документы...», стр. 286—294.) Советское правительство уделяло много внимания налаживанию торгово-экономических связей с Англией, Китаем, Японией и нейтральными странами. На протяжении 1918 г. оно заключило ряд соглашений о товарообмене со Швецией, Данией и др. (см. «Документы...», стр. 341—342, 396 и др.).

⁴² «Документы...», стр. 673—678.

ний. Ведь только развитие торгово-экономических связей и создает наиболее надежную почву для установления подлинно мирных и нормальных отношений между государствами. В восстановлении исторически сложившихся экономических связей с Россией Германия в 1918 г. особенно нуждалась, поскольку она была отрезана тогда от других внешних рынков.

Ухудшение продовольственного положения в Германии и истощение ее сырьевых запасов способствовали росту заинтересованности различных групп немецкой буржуазии в налаживании торгово-экономических связей с Советской Россией. Вопрос о закупке русского сырья и продовольствия поставила дирекция германского рейхсбанка перед правительством еще в декабре 1917 г. Рейхсбанк предложил тогда начать с русскими переговоры об условиях заключения сделки на получение 500 млн. русских рублей, которые можно было бы использовать для закупок русского сырья и продовольствия.

Итак, по ряду причин среди германской буржуазии постепенно росло число противников разрыва с Советской Россией и общего военного наступления против нашей страны. В. И. Ленин подчеркивал в мае 1918 г., что в Германии большинство империалистической буржуазии предпочитает «в данный момент аннексионистский мир с Россией дальнейшей войне по тому соображению, что такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, обремененных восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.»⁴³.

В возобновлении прежних многолетних торгово-экономических отношений с Советской страной были прежде всего заинтересованы многочисленные средние и мелкие торгово-промышленные фирмы и объединения, работавшие до революции на русский рынок. Достаточно напомнить, что «Германо-русский союз по поддержанию и развитию двухсторонней торговли», объединившийся затем с «Союзом немецких фабрикантов и экспортеров по торговле с Россией» в г. Ремшейде, насчитывал в своих рядах 60 торговых палат, 32 торгово-промышленных союза и 750 фирм. В налаживании этих связей были также заинтересованы и те германские банки, которые финансировали Россию до мировой войны и которые надеялись, пользуясь Брестским договором, не только вернуть свои прежние капиталовложения, но и иметь хорошие прибыли, участвуя в организации выплаты Советской Россией большой контрибуции, размеры которой в соответствии с Брестским договором подлежали определению в дальнейшем. К этому следует добавить, что в германских политических партиях были также и дальновидные политики, считавшие, что Германия должна оставаться на почве Брестского договора и, используя его в интересах Германии, путем торгово-экономического обмена получать необходимое продовольствие и сырье. За торгово-экономические связи высказывались отдельные влиятельные промышленники и финансисты, например В. Ратенау, возглавлявший тогда концерн «АЭГ», банкирские дома Соломонсон, Мендельсон, директор «Национального банка для Германии» Виттенберг и др.

Поэтому вполне обоснованным был вывод полпреда А. А. Иоффе, отмечавшего, что «большая часть буржуазии заинтересована в мирном использовании нас, хочет во что бы то ни стало получить свой фунт крови»⁴⁴. Учитывая все это, Советское правительство придавало исключительно большое значение налаживанию торгово-экономических связей между РСФСР и Германией. Как подтверждает Г. В. Чичерин, «главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 326.

⁴⁴ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 19.

труднейший период было заинтересование германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой»⁴⁵. Вопросы торговли, экономические и финансовые играли важнейшую роль в деятельности советского полпреда в Берлине. Заметим, кстати, что до конца мая 1918 г. торговое агентство РСФСР находилось при полпредстве в Берлине и было непосредственно ему подчинено, а затем перешло в ведение Советского генерального консула в Берлине⁴⁶.

Представители деловых кругов обращались в полпредство РСФСР и советское генеральное консульство в Берлине с письмами и конкретными предложениями о заключении коммерческих сделок. В большинстве писем содержались просьбы о предоставлении информации о возможности заключения торговых сделок и прежде всего о закупке сырья для промышленности⁴⁷. По инициативе промышленных кругов предполагалось образовать в Берлине торговое общество по торговле с Россией. Особый интерес здесь проявляли представители различных финансовых объединений и банков, стремившиеся к скорейшей реализации финансово-экономических условий Брестского мира. Некоторые банкиры вели переговоры с полпредством и предлагали свои услуги в урегулировании финансовых расчетов между Германией и Советской страной. «Если бы они считались с возможностью скорого возобновления войны с нами, — писал полпред в письме Г. В. Чичерину, — они ни в коем случае не обхаживали бы нас так, как делают это теперь»⁴⁸. Так, директор «Национального банка для Германии» Виттенберг направил 14 мая 1918 г. советскому полпреду в Берлине письмо, в котором предложил свои услуги Советскому правительству в ведении банковских и финансовых операций в Германии⁴⁹. Банкиры конкурировали друг с другом. Именно поэтому, как сообщал А. А. Иоффе, «директор Дейче банк так часто навещает нас, Мендельсон ищет давно свидания со мной, а Соломонсон уже в третий раз приходит под разными предлогами»⁵⁰.

А. А. Иоффе писал в НКИД о необходимости активного использования германского финансового капитала для обуздания захватнических вождений военной партии. Он подчеркивал, что «если мы поманим финансистов, которые, как сказано, и без этого не одобряют политики зарвавшегося солдата, то мы и этому солдату можем навесить тяжелые гири на ноги»⁵¹.

В записке «К вопросу о возобновлении торговых сношений между Россией и Германией», составленной советским полпредством в Берлине в середине 1918 г., перечисляются лица и учреждения с немецкой стороны, с которыми полпредство РСФСР вело весьма оживленные переговоры о нормализации торгово-экономических связей между обеими странами с мая 1918 г. Переговоры велись, говорится в записке, с представителями печати и различных партий рейхстага (от левых до национал-либералов), с купцами и промышленниками различных отраслей, с представителями частных банков и государственного банка, с министерством финансов, со статс-секретарем министерства промышленности и торговли, с различными чиновниками МИД и представителями военного министерства и верховного командования германской армии, начиная с лиц, руководивших различными военно-промышленными обществами, закупкой сырья и пр., и кончая некоторыми наиболее видными и влиятельными представителями военной партии⁵².

⁴⁵ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, стр. 168.

⁴⁶ Советским генеральным консулом в Берлине был тогда В. Р. Менжинский.

⁴⁷ АВП, ф. 552, оп. 2, д. 16, л. 27; ф. 82, оп. 1/2, д. 184, лл. 72, 75, 83, 92, 107; «Вестник Народного комиссариата торговли и промышленности», 1918, № 5—6, стр. 43.

⁴⁸ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 34.

⁴⁹ Там же, ф. 82, оп. 1/2, д. 175, лл. 21—22.

⁵⁰ Там же, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 36.

⁵¹ Там же, л. 35.

⁵² АВП, ф. 82, оп. 1/2, д. 179, л. 16.

Интерес, который проявляли промышленные и финансовые круги Германии к возобновлению торговых сношений с Советской Россией, несомненно, способствовал проведению переговоров по этому вопросу. Уже в начале мая 1918 г. с германским правительством был согласован вопрос об открытии советско-германских переговоров о возобновлении экономических отношений между обеими странами. Было решено для этой цели создать советско-германскую экономическую комиссию в Москве.

Тогда же наше правительство, как пишет Г. В. Чичерин, «по рекомендации Владимира Ильича обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров»⁵³. Это и были предложения о широких переговорах по экономическим и политическим вопросам, которые завершились в августе 1918 г. подписанием дополнительных соглашений с Германией. Советская программа переговоров с Германией была изложена в ноте НКИД от 22 мая 1918 г.⁵⁴ НКИД предлагал вести эти переговоры в Москве. Первое заседание советско-германской экономической комиссии состоялось 15 мая 1918 г. На этом заседании советский представитель М. Г. Бронский заявил, что в интересах восстановления народного хозяйства Россия, как нейтральная страна, должна возобновить экономические связи с центральными державами и в то же время продолжать и по возможности расширять экономические сношения с союзными странами. Для покрытия своих обязательств перед центральными державами согласно Брестскому договору, отметил далее М. Г. Бронский, Советское правительство вынуждено сделать заем, причем общая сумма этих обязательств превращается в государственный долг. Выплата процентов будет производиться частью продуктами сельского и лесного хозяйства, частью золотом и немецкими обязательствами, имеющимися в распоряжении Советского правительства. В целях обеспечения этого долга, а также для оплаты производимых в Германии закупок необходимейших товаров для восстановления народного хозяйства России, Советское правительство предполагало сдать определенные концессии на разработку своих природных богатств.

Советское правительство, как отмечал М. Г. Бронский, требует также: полного невмешательства Германии в экономическую политику Советской России, в экономические взаимоотношения России с Украиной, Балтийскими провинциями и Кавказом, образующими с ней одно хозяйственное целое; признания национализации внешней торговли и банков; обеспечения получения руды из Кривого Рога и Кавказа — по меньшей мере половины всей добычи; исправления границы между Украиной и Донской областью в смысле присоединения Юзовки, Русско-Бельгийских и Донецко-Юрьевских каменноугольных копей к России⁵⁵.

В течение июня — июля советско-германские переговоры по политическим, экономическим и финансовым вопросам велись в Берлине и значительно продвинулись вперед. С советской стороны комиссию в этих переговорах возглавлял А. А. Иоффе. Входили в нее Л. Б. Красин и др. О ходе этих переговоров Иоффе сообщал в НКИД 21 июля 1918 г. следующее: «Германия не желает войны с нами, и как раз теперь наша политика заинтересования их в торговых сношениях с нами как будто бы увенчалась полным успехом. Переговоры приняли самый конкретный характер и ведутся самым энергичным образом»⁵⁶.

Сообщая о своих действиях по осуществлению разработанной В. И. Лениным политики в области экономических отношений, полпред писал в НКИД в докладе № 5, что «вся политика должна быть основана на доказательстве немцам, что, если они слишком перегнут палку, мы

⁵³ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, стр. 167.

⁵⁴ «Правда», 23 мая 1918 г.

⁵⁵ Полный текст речи М. Г. Бронского опубликован в «Вестнике Народного комиссариата торговли и промышленности», 1918, № 1, стр. 3—7.

⁵⁶ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 988, т. 2, л. 40.

принуждены будем воевать и тогда они ровно ничего не получат, ибо мы создадим пустыню из России, но им ничего не дадим»⁵⁷.

При встречах с Кюльманом полпред постоянно подчеркивал, что Советская Россия не уплатит «ни копейки до тех пор, пока не будет прекращена фактическая война и не будут выяснены убытки, понесенные нами после 3 марта»⁵⁸.

Несмотря на недостаток в экспортных товарах, наблюдавшийся в Германии, все же оказалось возможным начать торговый обмен между двумя странами. Как и обычно, дело началось с заключения коммерческих сделок, средних по объему, таких, как покупка Советской Россией в Германии 1,5 млн. электрических ламп, закупка у ряда германских фирм различных сельскохозяйственных орудий, начиная с кос и серпов и кончая молотилками, фармацевтических и химических продуктов и орудий производства для мастерских⁵⁹.

Велись также переговоры и о заключении больших (по тем временам) компенсационных сделок. В частности, Советское правительство вело переговоры с немцами об организации товарообмена между Советской Россией и Украиной, а также и между ними и Германией. Так, была сделана попытка договориться с немцами о том, что Советская Россия закупит на Украине в обмен на мануфактуру 30 млн. пудов хлеба при условии, что половина этого хлеба будет уступлена Германии в обмен на изделия германской промышленности⁶⁰.

В июле 1918 г. в Берлине Л. Б. Красин вел переговоры о доставке каменного угля в Петроград. Речь шла о покупке у немцев 100 тыс. т угля для Петрограда, где этот уголь был нужен, чтобы обеспечить работу электростанций и ряда заводов, работавших на оборону. 14 июля Л. Б. Красин телеграфировал в Народный комиссариат торговли и промышленности, а также В. И. Ленину о том, что «переговоры о доставке угля в Петроград морским путем продвигаются успешно» и что «первый пароход — около 10 тыс. тонн может быть отправлен в конце июля, если дадим гарантию приготовить в Петрограде к этому времени соответственную компенсацию, каковою признается медь, стальная болванка, старое железо, жиры, масла и асбест»⁶¹. Однако эти переговоры затянулись из-за стремления немцев получить как можно больше товаров за поставляемый ими каменный уголь и кокс, а также вследствие расхождения в ценах. В ходе переговоров было условлено, что поставки угля в Петроград на немецких судах и погрузка на разгруженные от угля суда компенсационных товаров будут начаты в августе независимо от срока завершения переговоров⁶². В августе отбыли в Петроград первые пароходы с немецким каменным углем. Но в окончательном виде советско-германское соглашение было подписано только 7 октября 1918 г.⁶³. Вопрос о покупке в Германии каменного угля обсуждался на заседании СНК РСФСР, где было решено для оплаты фрахта и обеспечения сделки немедленно передать в распоряжение советского консула в Берлине золото на сумму 5 млн. марок, увеличив позже эту сумму до 10 млн. марок золотом. В постановлении были также определены цены на уголь, на фрахт, а также установлены количество и цены компенсационных товаров (старой и сырой резины, медного лома и медных стружек, никеля, асбеста и пеньки). На разгрузку угля в Петрограде ассигновалось 6 млн. руб. Для ускорения доставки угля разрешалось начать погрузку компенсационных товаров на задержанные при объявлении войны в

⁵⁷ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 987, л. 19.

⁵⁸ Там же, л. 20.

⁵⁹ АВП, ф. 552, оп. 2, д. 2, л. 1 об.

⁶⁰ ЦГАОР и СС, ф. 413, оп. 1, д. 166, л. 17 и др.; ф. 130, оп. 2, д. 496, л. 38 и др.

⁶¹ Там же, ф. 130, оп. 2, д. 496, лл. 44, 45—46.

⁶² АВП, ф. 82, оп. 1/2, д. 183, лл. 3, 57, 71, 84—87.

⁶³ Полный текст этого соглашения имеется в ЦГАОР и СС, ф. 413, оп. 1, д. 170, лл. 1—4.

Петрограде пароходы немедленно по получении извещения от генерального консула РСФСР в Берлине о выходе в море нагруженных углем пароходов⁶⁴. Это постановление СНК свидетельствует о том, какое большое значение придавало Советское правительство получению каменного угля для Петрограда осенью 1918 г.

Первые пароходы с углем прибыли в Петроград в конце августа 1918 г.⁶⁵ Советское правительство делало все возможное, чтобы ускорить доставку угля в Петроград. Так, Л. Б. Красин 13 сентября имел по этому вопросу беседу по прямому проводу с советским полпредством в Берлине, в ходе которой он подчеркнул, что «уголь в Петрограде для нас так же необходим, так же нужен, как хлеб»⁶⁶. Рабочие Петрограда по достоинству оценили усилия Советского правительства по обеспечению петроградской промышленности углем. Вспоминая об этом, начальник морского вокзала, участник штурма Зимнего дворца в октябре 1917 г. Н. Воронович рассказывает: «Мы ликовали, когда осенью 1918 года немецкие пароходы доставили сюда по торговому соглашению около 40 тысяч тонн угля, и мы передали его путиловцам и обуховцам, работавшим на оборону молодой Советской Республики»⁶⁷. Как только были получены уголь и кокс, работа на предприятиях закипела с новой силой, петроградские рабочие взяли обязательство усилить выпуск военной продукции⁶⁸.

Всего по торговому соглашению от 7 октября 1918 г. Советская Россия получила 35 425 т угля и 3453 т кокса⁶⁹.

В это время были заключены и другие, как правило, небольшие торговые сделки⁷⁰, что, конечно, служило поддержанию мирных отношений между обеими странами.

За время передышки Советская власть в России упрочилась, укрепилась ее военная мощь. Под руководством большевистской партии с каждым днем все шире развертывалась всенародная освободительная борьба на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье. Все эти важнейшие политические факторы оказывали большое влияние на политику правящих кругов Германии по отношению к Советской России. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что широкие массы немецкого народа еще со времени брестских переговоров неоднократно заявляли о своей поддержке советских условий заключения справедливого мира, мира без аннексий и контрибуций⁷¹. Эти настроения в пользу Советской России росли и крепили в широких массах немецких рабочих, по мере того как они все более убеждались в том, что Советская Россия, несмотря на тяжелые условия Брестского мира, искренне стремилась к установлению с Германией мирных добрососедских отношений и добросовестно выполняла свои обязательства.

В письме от 3 августа А. А. Иоффе дает развернутую оценку настроений широких масс народа в период переговоров по поводу дополнений Брестского договора. «Германский народ,— пишет он,— предвидя политическую изоляцию Германии, даже и после войны во что бы то ни стало хочет прочного мира со своим ближайшим и сильнейшим соседом — Россией»⁷². Значительная часть немецкого народа выступала за то, чтобы Брестский договор был пересмотрен и было заключено новое соглашение на основе равноправия сторон. «Общественное мнение Германии,— говорится далее в указанном письме Иоффе,— все время требует

⁶⁴ ЦГАОР и СС, ф. 413, оп. 3, д. 143, л. 4, 4 об.

⁶⁵ Там же, оп. 1, д. 172, л. 32.

⁶⁶ АВП, ф. 82, оп. 1, д. 176, л. 4 об.

⁶⁷ «Советская Россия», 22 июня 1957 г.

⁶⁸ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 798, л. 5.

⁶⁹ Там же, ф. 413, оп. 3, д. 31, л. 1 об.; д. 13, л. 485.

⁷⁰ Там же, оп. 8, д. 13, л. 486; АВП, ф. 82, оп. 1/2, д. 184, лл. 118 и др.

⁷¹ См. А. Норден. Между Берлином и Москвой, стр. 109—114.

⁷² АВП, ф. 04, оп. 13, д. 988, т. 2, л. 108.

соглашения с Россией и действительного мира. Для этого правительству нужна была эта ревизия Брестского трактата» (имеются в виду советско-германские переговоры в августе 1918 г.— *И. К.*)⁷³.

Признавая факт дружественного отношения широких народных масс Германии к Советской стране, германский дипломат Дирксен в своих мемуарах писал: «Общую точку зрения среднего немца в отношении России можно резюмировать в следующих словах: когда мы находились с русскими в хороших отношениях, это было хорошо для обеих стран, когда мы враждовали, обе страны страдали от этого в равной степени»⁷⁴.

Отношение значительной части немецкой буржуазии к Советской России было сформулировано Г. Штреземаном в письме к генералу Бауэру 8 августа 1918 г. Он писал: «Всем нам хотелось бы прийти к далеко идущему экономическому и политическому взаимопониманию с теперешним (советским.— *И. К.*) правительством, которое во всяком случае и ни при каких обстоятельствах не является империалистическим и которое никогда не сможет договориться с Антантой уже потому, что оно своим заявлением об аннулировании антантовских займов воздвигло непреодолимый вал между собой и Антантой»⁷⁵. Подобного рода настроения делали весьма популярной всякую попытку нормализовать советско-германские отношения.

Однако были также и серьезные препятствия, мешавшие этой нормализации. Ряд событий создал чрезвычайно сложную обстановку. Наиболее крупными из них являлись убийство германского посланника Мирбаха 6 июля 1918 г. и эсеровские мятежи в Москве, Ярославле, Рыбинске и других городах Республики, в ходе которых мятежники выдвигали провокационные требования немедленного объявления Германии войны.

Известно, что Мирбаха убил эсер Блюмкин, за спиной которого стояли не только эсеры, но и империалисты держав Антанты, не жалевшие средств для того, чтобы не допустить нормализации отношений между Советской Республикой и Германией и спровоцировать нападение последней на Советскую Россию. Г. Гильгер, состоявший в то время в германской миссии в Москве и ставший впоследствии советником посольства, признает в своих мемуарах, что «подрывной деятельности в Советской Республике оказывалась тогда поддержка со стороны иностранных посольств, предоставлявших для этой цели денежные средства и агентов...»⁷⁶.

Убийство Мирбаха создало для Советской страны серьезную угрозу быть втянутой в войну с кайзеровской Германией. Эта опасность была тем вероятнее, что военная партия в Германии только искала подходящего предлога, чтобы организовать поход на Москву и Петроград. Г. Гильгер подтверждает, что большевикам «приходилось считаться с возможностью того, что германское правительство использует убийство его дипломатического представителя как предлог для нового объявления войны Советской Республике»⁷⁷.

Узнав об убийстве Мирбаха, В. И. Ленин посетил германское посольство и выразил соболезнование от имени Советского правительства и от себя лично. Как пишет тот же Гильгер, Ленин, явившийся в здание германской миссии, «сохранил полное присутствие духа и хорошо владел

⁷³ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 988, т. 2, л. 108.

⁷⁴ H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London 20 Jahre deutscher Aussenpolitik, Stuttgart, 1949, S. 61.

⁷⁵ «Vierteljahrshette für Zeitgeschichte», 1955, № 1, S. 94.

⁷⁶ G. Hilger, A. Meyer. Указ. соч., стр. 6.

⁷⁷ Там же. Даже в случае неудачи этого покушения державы Антанты считали, что будут поставлены под угрозу срыва советско-германские переговоры по политическим и экономическим вопросам и серьезно осложнены отношения между Советской Республикой и Германией.

своими нервами»⁷⁸. В. И. Ленин послал в Берлин полпреду телеграмму, в которой сообщал об убийстве Мирбаха и информировал его о том, что Советское правительство уже посетило германскую миссию, выразило свое соболезнование и возмущение и что принимаются меры к розыску убийц и преданию их Чрезвычайному Ревтрибуналу. «Правительство поручает Вам, — телеграфировал В. И. Ленин, — немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение Русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования»⁷⁹.

14 июля германский дипломатический представитель в Москве Рицлер передал Советскому правительству ноту с требованием допустить в Москву для «охраны» германской миссии батальон германских солдат.

В час серьезной опасности, нависшей над Советской Россией, 15 июля в 18 часов ВЦИК собрался на заседание, на котором был заслушан доклад председателя СНК В. И. Ленина. Излагая точку зрения Советского правительства относительно требования Германии о допуске в Москву батальона немецких солдат, В. И. Ленин заявил, что правительство категорически отказывается дать свое согласие на это требование. По докладу В. И. Ленина ВЦИК вынес решение целиком одобрить заявление председателя СНК и довести его до сведения широких народных масс⁸⁰.

В своем ответе германскому правительству Советское правительство заявило, что оно готово дать германским дипломатическим учреждениям в Москве вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, однако оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части. В заявлении также указывалось, что такое требование противоречит стремлению деловых кругов Германии «наладить и развивать к выгоде обеих стран тесные экономические отношения между ними»⁸¹.

Советское правительство предприняло все возможное для поимки и наказания преступников и их сообщников. Большинство соучастников этого убийства было арестовано и понесло заслуженную кару. Но Блюмкину и Андрееву удалось скрыться из Москвы, очевидно, не без помощи иностранных миссий и их агентуры. Как стало известно позже, они укрылись на оккупированной немецкими войсками Украине⁸².

В обращении Председателя СНК В. И. Ленина к народу в связи с требованием германского правительства говорилось, что Советская Россия строго и добросовестно выполняет возложенные на нее тяжелые условия Брестского договора и готова выполнять и свои финансовые обязательства, которые будут выработаны в результате советско-германских переговоров. Однако во всем есть свои границы и «есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой»⁸³.

В решении V Всероссийского съезда Советов еще раз торжественно подтверждалось, что главной задачей Советской власти в области внешней политики остается по-прежнему обеспечение мира для истощенной страны. От имени всех трудящихся Советской России съезд торжественно заявил, что «в случае иноземного нашествия, с чьей бы стороны [он] ни исходило, обязанностью всех рабочих и крестьян и всех честных

⁷⁸ G. Hilger, A. G. Meyer. Указ. соч., стр. 7.

⁷⁹ ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 487, л. 20.

⁸⁰ Там же, ф. 1235, оп. 20, д. 1, л. 45.

⁸¹ «Известия ВЦИК», 17 июля 1918 г.

⁸² При подавлении эсеровского мятежа в Ярославле некоторые из участников мятежа также нашли убежище у сотрудников германской Комиссии по делам военнопленных (см. «Документы...», стр. 408).

⁸³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 499.

граждан вообще явится беззаветная защита Советского отечества против империалистов»⁸⁴.

Твердая позиция Советского правительства оказала должное воздействие на правящие круги Германии, и там победил здравый рассудок: германское правительство не стало настаивать на своем требовании. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в широких кругах германской общественности требования, выдвинутые германским правительством, не находили одобрения. Так, по сообщению Иоффе, в связи с убийством Мирбаха в Германии не было каких-либо демонстраций против Советской России, а представители промышленных и финансовых кругов, равно как и большинство рейхстага, выступали за мирные отношения между Германией и Советской Республикой⁸⁵.

Учитывая все эти обстоятельства, кайзеровская Германия не решилась пойти на разрыв с Советской Россией.

Однако необходимо отметить, что эсеровские мятежи, убийство Мирбаха и другие вооруженные выступления контрреволюции оказали серьезное влияние на политику Германии в отношении Советской России. Верховное командование германской армии расценивало вооруженные выступления контрреволюции в Советской России как признак неизбежности скорого падения Советской власти и в этой связи решительно потребовало от правительства Германии, чтобы оно не связывало себя какими-либо соглашениями с Советской Республикой. Под давлением Людендорфа германское правительство стало всячески затягивать советско-германские переговоры, которые к середине июля зашли в тупик.

Как свидетельствует текст протокола совещания 2 июля в Спа представителей правительства с верховным командованием германской армии⁸⁶, кайзер, Людендорф, военный министр Штейн и другие видные лидеры военной партии неоднократно заявляли на этом совещании, что они убеждены в победе контрреволюции в России и поэтому настаивали на том, чтобы в отношении Советской Республики проводилась агрессивная политика. Людендорф говорил, что Германия нуждается в Донской области и Баку и должна быть обеспечена бакинской нефтью. Он заявил также, что Германия должна оказывать помощь оружием и деньгами в создании на Дону белогвардейской казачьей армии, потребовал сохранения немецкой оккупации Крыма под флагом фиктивного «самоопределения» и т. д.⁸⁷. Все требования Людендорфа были приняты совещанием⁸⁸. Однако Людендорф не удовольствовался этим и стал настаивать на организации вооруженного похода на Петроград и Москву для свержения Советского правительства. С этой целью он и направил в начале августа 1918 г. кайзеру хвастливую информацию с том, будто бы командование германской армии располагает шестью или семью дивизиями, которые можно было бы использовать для войны против Советской России⁸⁹. Однако тогдашний статс-секретарь МИД Германии Гинце поставил под сомнение эту информацию Людендорфа, подчеркнув опасность, с которой было связано осуществление предложений Людендорфа⁹⁰. Несмотря на это, военная партия продолжала настаивать на своем и добилась назначения Гельфериха — одного из наиболее активных сторонников организации военного похода на Москву, бывшего вице-канцлера и министра внутренних дел на пост германского дипломатического представителя в Москве.

⁸⁴ «Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Стенографический отчет, М., 1918, стр. 134.

⁸⁵ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 988, т. 2, лл. 29—30, 40.

⁸⁶ См. «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1955, № 1, S. 84—90.

⁸⁷ См. там же, стр. 86—89.

⁸⁸ Там же, стр. 91—92.

⁸⁹ См. С. Freund. Указ. соч., стр. 251.

⁹⁰ Там же, стр. 251—253.

Прибыв в Москву, Гельферих сразу же занялся установлением связей с различными контрреволюционными группами в целях организации и координации подрывной антисоветской деятельности и выработки общего плана военного похода на Петроград и Москву. Он перевел германское представительство из Москвы в Псков, оккупированный тогда немцами, где он имел полную свободу рук для развертывания деятельности, не совместимой с его официальным положением. Не пробыв и двух недель в Москве, Гельферих отправился в Германию, чтобы добиться одобрения своего плана. «Гельферих приехал сюда с твердым убеждением,— писал Иоффе из Берлина 22 августа,— что большевизм падет со дня на день, и с планом убедить других не связываться с большевиками и уже подготавливать другие элементы, с которыми можно работать»⁹¹. Разумеется, что деятельность Людендорфа, Гельфериха, Гофмана и других представителей военной партии привела к серьезному обострению отношений между Советской Россией и Германией, поставив под угрозу срыва советско-германские переговоры по политическим и экономическим вопросам.

В целях достижения соглашения с Германией по обсуждавшимся вопросам, а также в целях нормализации советско-германских отношений Советское правительство через А. А. Иоффе и Л. Б. Красина сделало новое, далеко идущее предложение о развитии экономических связей между Советской Республикой и Германией, изъявив свою готовность поставлять Германии нужное ей сырье и продовольствие. Как свидетельствует запись беседы, датированная 5 июля и составленная немецкими участниками переговоров, предложения эти весьма заинтересовали немцев. Об этом говорит также и то обстоятельство, что через два дня после того, как были сделаны эти советские предложения, снова состоялась встреча Штреземана с А. А. Иоффе и Л. Б. Красиным в советском полпредстве. На этот раз переговоры между ними продолжались в течение пяти с половиной часов. В ходе переговоров, как гласит составленная Штреземаном запись этой беседы, он заявил о необходимости русско-германского соглашения, идея которого носится в воздухе, и которое будет иметь большое влияние на внешнеполитическое и внутриполитическое положение⁹².

После нескольких бесед с А. А. Иоффе и Л. Б. Красиным Штреземан имел встречу с рейхсканцлером Гертлингом и информировал его о ходе переговоров. И все же дело не двигалось вперед, несмотря на то что Советское правительство заявило о своей готовности пойти на серьезные уступки в экономической области при одном неременном условии, что немцы не будут чинить препятствий установлению экономических связей и сотрудничеству Советской Республики с Донской областью, Северным Кавказом и Кубанью, а также очистят некоторые территории и железнодорожные магистрали Таганрог — Курск и Таганрог — Ростов, гарантируют за РСФСР район Баку с его нефтепромыслами. Советское правительство отказалось принять за основу политического соглашения представленный немецкой стороной проект, в котором вопрос об очищении немцами территорий, не входящих в состав Финляндии и Украины, ставился в зависимость от заключения русско-украинского мирного договора. 27 июля Г. В. Чичерин дал указание полпреду в Берлине добиваться немедленного очищения Ростова, Таганрога и железных дорог. В тот же день по поручению Советского правительства А. А. Иоффе вручил германскому правительству меморандум⁹³, который должен был обсуждаться на заседании кригсрата. В меморандуме подчеркивалось, что Советское правительство может пойти на большие материальные жертвы и отказаться от суверенитета над Эстляндией и Лифляндией,

⁹¹ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 982, л. 119.

⁹² «Vierteljahrshelte für Zeitgeschichte», 1955, № 1, S. 77—79, 79—83.

⁹³ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 1016, лл. 29—35.

которые тогда были оккупированы немцами, только при условии, что получит известные компенсации в виде свободных портов в Балтийском море. В заключение в меморандуме говорилось, что непременным условием соглашения между Советской Россией и Германией является немедленное очищение Ростова и Таганрога и железнодорожной магистрали Ростов — Воронеж и Таганрог — Курск, независимо от очищения остальных, не принадлежащих Украине и Финляндии оккупированных Германией областей. В противном случае Советская Россия отказывалась принять не только все остальные пункты политического соглашения, но также и финансовые, экономические и юридические условия соответствующих соглашений⁹⁴.

Деловые круги Германии, интересы которых в переговорах представлял Штреземан, начали проявлять недовольство в связи с тем, что переговоры бесконечно затягивались. В целях содействия успешному завершению переговоров Штреземан прервал свой отпуск и вернулся с острова Рюген в Берлин и развил активную деятельность, пытаясь воздействовать на Людендорфа, а также на некоторые органы печати⁹⁵. К этому времени резко ухудшилось положение Германии: 8 августа Германия пережила «черный день» (поражение германской армии на Западе). В связи с этим политическое влияние верховного командования стало резко уменьшаться, и в политике правящих кругов Германии взяли верх сторонники сохранения дипломатических отношений с Советской Россией. Вследствие этого оказались безрезультатными поездки Гельфериха в ставку, и он вскоре получил отставку⁹⁶. Таковую же неудачу потерпел и Штадтлер, который после Гельфериха пытался добиться одобрения плана Гофмана — Гельфериха⁹⁷. 27 августа был, наконец, подписан русско-германский добавочный договор. Этот договор состоял из трех соглашений: политического договора, финансового и договора по частнопроводным вопросам.

Здесь мы не будем подробно излагать содержание этих трех договоров⁹⁸. Отметим только ст. 4 договора, согласно которой Германия обязывалась прекратить вмешательство во внутренние дела России, не вмешиваться в отношения Советской Республики с отдельными областями бывшей Российской империи, не вызывать и не поддерживать стремления последних к отделению от России.

Договоры от 27 августа в значительной мере связывали руки германскому империализму в осуществлении его политики ослабления Советской России путем отрыва от нее все новых и новых областей под прикрытием фиктивных «самоопределений» и «самоуправлений».

Германское консульство в Москве в своем еженедельном обзоре от 10 сентября отмечало, что германское правительство не торопилось опубликовывать в печати договоры от 27 августа и что в течение двух недель консульство не получало их текста. По мнению консульства, договоры означали «усиление позиций Советского правительства в политической и даже стратегической области, в экономическом и моральном, в особенности в международных отношениях, и укрепление большевиков во вне и внутри». Консульство особо отмечало, что договоры от 27 августа нанесли сильный удар по русской буржуазии, которая до того делала ставку на кайзеровскую Германию в борьбе против Советской власти в России.

Однако, как показали дальнейшие события, правящие круги Германии и после подписания договора от 27 августа зачастую игнорировали

⁹⁴ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 1016, лл. 29—35; д. 993, лл. 1, 35.

⁹⁵ H. Gatzke. Zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1955, № 1, S. 73, 75.

⁹⁶ H. Helbig. Die Moskauer Mission des Grafen Brokdorff-Rantzau. «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», B 2, Berlin, 1955, S. 289; Gatzke. Указ. ст., стр. 75.

⁹⁷ E. Stadtler. Als politischer Soldat 1914—1918, Düsseldorf, 1935, S. 129—134.

⁹⁸ См. «Документы...», стр. 437—453.

свои договорные обязательства в отношении Советской России. Они пытались решать некоторые важные проблемы советско-германских отношений без учета интересов России, путем диктата. Так, германские военные власти упорно добивались от Советского правительства выдачи плана минных заграждений в Финском заливе.

Сохранение минных заграждений в Финском заливе, имело тогда особенно важное значение потому, что по условиям Брестского договора наш военный флот не имел права передвижения и должен был находиться на своих стоянках. Германские военные суда, в случае удаления минных заграждений, могли бы внезапно появиться перед кронштадтским рейдом и угрожать безопасности Петрограда. Поэтому Советское правительство ответило, что этот вопрос надо решить вместе с установлением демаркационной линии. Советское правительство предложило созвать морскую комиссию, где должны были быть обсуждены эти вопросы. В своих заявлениях Советское правительство указывало, что оно строго выполняет постановления Брестского договора относительно судоходства и всегда содержит свободными от плавучих мин пути для судоходства, между тем как Германия постоянно нарушает эти статьи мирного договора. В частности, Германия в нарушение своих обязательств помогла Финляндии захватить русские минные тралы, находившиеся в Гельсингфорсе, а затем без согласия Советской России заключила с Финляндией соглашение о тралении мин в Балтийском море. Немцы «обязали» Финляндию тралить русские мины, несмотря на то, что по Брестскому договору это должна была делать Советская Россия.

28 августа Г. В. Чичерин дал указание Иоффе по прямому проводу: «Немедленно путем личных переговоров постарайтесь устранить серьезный конфликт, обострившийся на вопросе о наших минных заграждениях». При этом Иоффе было сообщено содержание двух нот по этому вопросу, которые были вручены в Москве германскому дипломатическому представителю Гаушильду. Г. В. Чичерин подчеркнул, что если немцы появятся вблизи Кронштадта, то, вопреки нашему желанию, может произойти сражение из-за возбужденного настроения моряков. «Положение чрезвычайно серьезно,— сообщал он,— и требует немедленного, самого энергичного вмешательства». Чичерин напоминал также о настоятельной необходимости установления морской демаркационной линии и созыве морской комиссии⁹⁹.

После длительных проволок германское правительство было вынуждено согласиться на созыв морской комиссии в г. Либаве. Однако представитель Германии решительно отказался обсуждать вопрос о проведении морской демаркационной линии в Финском заливе, что делало невозможным продолжение работ комиссии. Советские представители в комиссии имели инструкцию о том, что в случае, если по обстановке придется дать определенный ответ Германии, то «непременным условием выдачи планов (минных заграждений.— И. К.) должно быть установление демаркационной линии на Финском заливе»¹⁰⁰. Советское правительство решительно отстаивало свою позицию в вопросе о минных заграждениях, руководствуясь интересами безопасности Советского государства. В Либаве не было достигнуто какого-либо прогресса. Тогда полпредство РСФСР в Берлине обратилось 12 октября в МИД с нотой, в которой довело до сведения правительства Германии, что оно «считает невозможным выдать Германии планы минных заграждений, прежде чем в Финском заливе будет проведена демаркационная линия»¹⁰¹.

⁹⁹ «Документы...», стр. 455—456.

¹⁰⁰ Там же, стр. 507.

¹⁰¹ Там же, стр. 520.

Опыт работы Либавской комиссии подтверждает также, что германское правительство выдвигало совершенно необоснованные требования, стараясь прикрыть их неуклюжими ссылками на Брестский договор, важнейшие статьи которого Германия систематически нарушала. Германия нарушала не только Брестский договор, но и русско-германский добавочный договор от 27 августа, по которому она была обязана установить точную демаркационную линию. И по другим вопросам советско-германских отношений кайзеровское правительство также систематически нарушало свои договорные обязательства в отношении Советской страны¹⁰². Нарушение Германией условий Брестского мира вынуждены признать многие, в том числе и германские буржуазные историки¹⁰³. Однако почти все они в целях дискредитации советской внешней политики объявляют, что будто бы Советская Россия тоже нарушала Брестский договор¹⁰⁴. В своих измышлениях по адресу Советской России некоторые буржуазные историки доходят до прямых подлогов, приписывая В. И. Ленину заявления, якобы подтверждающие их домыслы. В частности, к такой фальсификации прибегает Фреунд¹⁰⁵. Он пишет о том, что В. И. Ленин якобы неофициально признавал неоднократные нарушения Советской стороной Брестского мира. Разумеется, подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью.

Что же касается нарушений Германией ее договорных обязательств, то имеются многочисленные всем известные факты. Мы уже говорили ранее о нарушении Германией территориальных постановлений Брестского мира (оккупация Донской области, Крыма, Кавказа и других территорий), о захвате кораблей русского военно-морского флота и имущества в оккупированных немцами русских областях, захвате торговых судов и т. п. Германская миссия и консульства нарушали общепринятые международные нормы и обычаи, активно поддерживая врагов Советской власти деньгами и оружием, укрывали их от возмездия, переправляя в оккупированные немецкими войсками области¹⁰⁶. Широкую деятельность развернули германские дипломатические учреждения в России по контрабандному вывозу золота, драгоценностей, ценных бумаг и денег. Так, в начале августа было установлено, что для Учетного банка в Берлине германская миссия в Москве хотела перевести 1 млн. руб. Только за один месяц, с 15 августа по 15 сентября, иностранными дипломатическими учреждениями было отправлено за границу и в оккупированные местности 860 514 руб. Из этой суммы пять шестых приходилось на германскую миссию и консульство¹⁰⁷.

Как свидетельствуют факты, изложенные в советской ноте протеста от 24 сентября, немецкие дипломатические курьеры пытались тайно провозить оружие. В пакетах, адресованных консулу Брейтеру, было

¹⁰² ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 831, лл. 252—254.

¹⁰³ См. K. Raumer. Zwischen Brest und Compiegne: Die deutsche Ostpolitik vom Sommer 1918, «Baltische Lande», Bd. 4, 1939, Leipzig; H. Catzke. Указ. соч., стр. 69; H. Helbig. Указ. соч., стр. 289.

¹⁰⁴ Особенно кипучую активность в этом деле проявили американские фальсификаторы, которые уже не довольствуются извращением истории советско-германских отношений, а пытаются «создать» для своих измышлений соответствующую «научную базу» в виде издания написанных по их рецептам мемуаров и тенденциозно подобранных документов. Изданные в США в 1953 г. мемуары Гильгера являются тому наглядным примером. Как признает сам Гильгер, подготовку его мемуаров финансировала американская организация «Фонд Карнеги» в Нью-Йорке (G. Hilger. Указ. соч., стр. VIII—IX). Этот же «Фонд» приставил к автору «литератора» Мейера, задачей которого и была тенденциозная обработка этих мемуаров Гильгера. «Заслуги» Мейера в этом деле оказались настолько велики, что он стал соавтором мемуаров Гильгера.

¹⁰⁵ C. Freund. Указ. соч., стр. 16.

¹⁰⁶ G. Hilger, A. Meyer. Указ. соч., стр. 28; АВП, ф. 04, оп. 13, д. 1024, лл. 42—43; «Документы...», стр. 408.

¹⁰⁷ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 1027, лл. 5, 35—36.

упаковано 100 маузеров и 200 ружей. Они были обнаружены на вокзале из-за плохой упаковки ¹⁰⁸.

Германская буржуазная пресса развернула невиданную до тех пор по своим размерам и ожесточению кампанию против Советской России. Она поносила Советское правительство, расписывая на все лады «большевистский террор», и не скупилась на измышления о том, что будто бы Советская Россия вмешивается во внутренние дела Германии ¹⁰⁹. В то же время факты говорили о прямо противоположном. Приведем для подтверждения одно сообщение, опубликованное во всей германской прессе. Это сообщение исходило из «особого источника», под которым подразумевалось германское командование на Востоке. «Мы можем свергнуть большевизм,— читаем мы в этом сообщении,— не пуская в ход германских войск, не создавая ненависти, связанной с новой войной на Востоке, и не вызывая разрыва с Советским правительством. Мы можем это сделать с помощью самих русских. Мы должны только тайком через Украину и Финляндию поддержать их оружием, амуницией и деньгами» ¹¹⁰. Даже западногерманские историки вынуждены признать, что Германия вела политику расчленения России и вмешивалась во внутренние дела Российской республики, оказывала широкую помощь ее врагам ¹¹¹, что было несовместимо с существовавшими договорными обязательствами между Советским государством и Германией.

Не менее грубо нарушала кайзеровская Германия и свои обязательства по дополнительным соглашениям об очищении от немецких войск русских территорий. Немецкая сторона нарушала сроки вывода войск и условия эвакуации войск, согласно которым немцам запрещалось производить различного рода реквизиции и вывозить с собой государственное имущество при оставлении русских территорий. Советское правительство было вынуждено заявить 29 октября МИД Германии, что оно «не видит другого выхода и вынуждено задержать третий взнос, который оно, согласно статье 3 Русско-Германского финансового соглашения, должно выплатить Германии, до тех пор, пока все, что было эвакуировано, реквизировано и вывезено германскими оккупационными властями из оставленных ими районов, не будет возвращено на место» ¹¹².

Вместе с тем Советское правительство заявляло, что оно на основах взаимности готово выполнять свои самые тяжелые обязательства. «Мы никогда не помышляли о том,— говорится в телеграмме Г. В. Чичерина А. А. Иоффе от 30 октября 1913 г., предназначенной для передачи германскому правительству,— чтобы не выполнить какие-либо обязательства в отношении Германского правительства, и мы будем продолжать так же, как и до сих пор, лояльно соблюдать все подписанные нами договоры, поскольку германское правительство со своей стороны будет выполнять свои обязательства по отношению к нам и те статьи договора, которые его касаются» ¹¹³.

Мы видим, таким образом, что Советское правительство умело сочетало в своих отношениях с германским правительством твердость там, где шла речь о важных для Советской России вопросах, с постоянной готовностью идти на уступки, которые были бы совместимы с честью и достоинством Советского государства.

¹⁰⁸ АВП, ф. 82, оп. 2, д. 168, л. 62. В целях прекращения таких злоупотреблений в дальнейшем Советское правительство предложило новые правила регулирования дипломатической курьерской службы, ограничивавшие как количество дипломатических курьеров, так и вес дипломатического багажа, который должен был быть не более 300 кг («Документы...», стр. 513).

¹⁰⁹ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 97.

¹¹⁰ «Известия ВЦИК», 6 ноября 1918 г.

¹¹¹ D. Posser. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen seit 1917, Darmstadt, o. J., S. 11; G. Hilger, A. Meyer. Указ. соч., стр. 28.

¹¹² «Документы...», стр. 544.

¹¹³ Там же, стр. 545.

Советское правительство неоднократно подчеркивало, что оно «с полной решимостью желает соблюдения добрососедских отношений и мирного сожительства с Германией, несмотря на все различия в строе обоих государств...», что «при этом сожительстве оно остается самым собой, как и Германское правительство, и ожидает, что последнее, как и оно само, будет считаться со всеми последствиями этих различий»¹¹⁴. Ради сохранения мира Советское правительство проявляло в своей политике величайшую осторожность и соблюдало тяжелые условия Брестского договора и добавочного договора от 27 августа, чтобы не дать повода германскому империализму прекратить очищение оккупированных русских территорий и предпринять вооруженное нападение на Советскую Республику.

«Советская власть,— указывал В. И. Ленин,— не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние антиимпериалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить, — в такой момент, когда представители германской буржуазии начинают оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинают изыскивать средства «переменишь» политику»¹¹⁵.

По мере того как поражения на фронте не оставляли места сомнениям в том, что Германия неизбежно проиграет войну, в правящих кругах Германии с каждым днем крепло убеждение в необходимости как можно скорее любой ценой искать мира с Антантой, чтобы предотвратить надвигавшуюся революционную бурю, и под флагом борьбы с большевизмом добиться компромиссного мира. В правящих кругах Германии, как сообщал советский полпред из Берлина в своем письме от 17 октября, боятся большевизма и хотят «сейчас же подправить свою несколько подмоченную близостью к большевикам буржуазную репутацию и поэтому готовы уже теперь, еще до соглашения с Антантой, приналечь на нас»¹¹⁶.

Характеризуя внутреннее и внешнее положение Германии, В. И. Ленин писал 22 октября: «Германская буржуазия и германское правительство, разбитые на войне и угрожаемые могучим революционным движением изнутри, мечутся в поисках спасения. Одно течение в правящих кругах Германии надеется еще оттяжками выиграть время до зимы и подготовить военную оборону страны на новой линии укреплений. Другое течение судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков. Поскольку это течение натывается на крайнюю несговорчивость победителей, англо-французских империалистов, постольку оно старается запугать их большевистской опасностью и подкупить их, оказывая им услуги против большевиков, против пролетарской революции»¹¹⁷.

Как сообщал А. А. Иоффе в письме от 31 октября, на совещании в крисграте финансисты, и особенно представители Дейче Банк, тяжелой промышленности и прежде всего промышленники рейнско-вестфальского района решительно потребовали принятия условий Антанты и сдачи на милость победителя¹¹⁸. Правительство Макса Баденского, в котором решающую роль играл социал-демократ Шейдеман, всячески искало подходящего предлога для того, чтобы продемонстрировать державам Антанты свое стремление порвать с Советским правительством. Представители «военной партии» изъявляли свою готовность выступить против Советской России совместно с державами Антанты. В то время в германской печати началось активное обсуждение плана компромиссного мира с Англией в целях борьбы против Советского государства.

¹¹⁴ «Документы...», стр. 488 (подчеркнуто автором).

¹¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 83.

¹¹⁶ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 49.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 108.

¹¹⁸ АВП, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 97.

Практическим доказательством стремления германского правительства создать единый фронт для борьбы против большевизма был разрыв дипломатических отношений с Советской Россией 4 ноября, после организованной Шейдеманом известной полицейской провокации с листовками. Однако германское правительство не было твердо убеждено, что одних листовок достаточно для разрыва отношений, тем более, что не так давно из дипломатического багажа германского курьера выпало 100 маузеров и 200 ружей. Поэтому было решено заодно вспомнить дело об убийстве Мирбаха.

Высылая из пределов Германии советское полпредство¹¹⁹, правящие круги Германии думали, что им удастся погасить революционный пожар во всей стране, но в то время, когда было объявлено о высылке из Берлина полпредства РСФСР, в Германии уже началась революция. В течение нескольких дней революция покончила с ненавистным антинародным режимом в Германии, по вине которого продолжалась война и проводилась враждебная народам России политика. «Немецкий народ хотел мира, — признает английский буржуазный историк Джордан, — и это его стремление смело с пути сперва Людендорфа, потом Макса Баденского и, наконец, самого кайзера»¹²⁰.

13 ноября 1918 г. ВЦИК вынес постановление об аннулировании Брестского мира и дополнительного русско-германского договора от 27 августа. Советская страна в этом же постановлении изъявила готовность урегулировать советско-германские отношения на основах равноправия и предложила германскому народу и народам Австро-Венгрии братский союз¹²¹.

Так окончился брестский этап в истории Советского государства. Это был тяжелый для Советской страны и весьма ответственный период в истории ее существования.

«Брест знаменателен тем, — указывал В. И. Ленин, — что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм»¹²².

Используя передышку, рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии достигли первых успехов в борьбе с разрухой. Рабочий класс России на практике учился управлять страной без буржуазии.

В. И. Ленин отмечал, что за время передышки «мы получили, хотя и с невероятным трудом, отсрочку, и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству...»¹²³.

За этот период Советская Республика набирала силы для борьбы с англо-франко-американо-японскими интервентами, которые воровским образом, без объявления войны вторглись в пределы нашей Родины. Это обстоятельство не могло не оказывать влияния и на позицию Германии в отношении Советской Республики, оно, несомненно, усиливало агрессивные тенденции в германской политике. Несмотря на подписание мирного договора и установление дипломатических отношений между Советской Россией и Германией, между ними не было подлинно мирных и нормальных отношений. Кайзеровская Германия проводила скрытую интервенцию против Советского государства и пыталась изолировать, расчлениить и уничтожить его.

¹¹⁹ Переписка по этому вопросу опубликована в «Правде» 9 ноября 1918 г., см. также «Документы...», стр. 555—556, 559—564.

¹²⁰ В. М. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг., М., 1945, стр. 17.

¹²¹ «Правда», 14 ноября 1918 г.

¹²² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 411.

¹²³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 470—471.

Советское правительство вело упорную дипломатическую борьбу против грубых нарушений кайзеровской Германией ее договорных обязательств в отношении Советской России. Советское правительство сделало все для того, чтобы германский империализм «разоблачил себя до конца в том, что он был хищником»¹²⁴.

Вместе с тем Советское правительство неукоснительно выполняло все свои договорные обязательства, несмотря на то, что все обязательства по Брестскому миру были необычайно тяжелыми. Тем самым оно продемонстрировало свое отношение к подписанным им договорам и соглашениям, дав убедительный пример того, что у Советского правительства слово не расходится с делом и что на его подпись всегда можно положиться.

В чрезвычайно сложной и тяжелой внутренней и внешней обстановке Советское правительство боролось за скорейшее окончание мировой войны и за обеспечение мирной передышки для Советской республики, проводило свою мирную независимую внешнюю политику, в основу которой был положен ленинский принцип мирного сосуществования. Оно делало все возможное, чтобы установить нормальные отношения с Германией и наладить с ней товарообмен и экономическое сотрудничество, которые являются важнейшей составной частью политики мирного сосуществования. Обмен товарами и широкое экономическое сотрудничество с капиталистическими странами являются и сейчас неотъемлемой частью политики мирного сосуществования, проводимой Советским Союзом.

¹²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 46.

